УЧИТЕЛЬСКАЯ ГАЗЕТА
г. МОСКВА
11 НОЯ 1971

СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ

«Сон смешного человека» (фрагмент).

ИЛЛЮСТРИРОВАТЬ ДОСТОЕВСКОГО... Иллюстрировать произведения, в которых почти отсутствуют внешние характеристики героев и где в то же время существуют — строгая дисциплина мысли, пружинящая логика действия, потрясающие подробности психологических состояний человека... Именно эта особенность прозы великого русского писателя, должно быть, обеспечила его книги «охранной грамотой» от художников посредственных, слабых. Иллюстрировать Достоевского всегда было и будет под силу только мастерам тонким, глубоким. Не случайно постоянные места в его томах обеспечили себе буквально считанные графики: М. Добужинский, Д. Шмаринов, С. Шор, А. Гончаров...

Нынешний юбилей писателя повысил интерес к его книгам у более молодого поколения художников. Но наиболее удачно проявили себя только те, для кого круглая дата 150-летия со дня рождения классика явилась главным образом предпосылкой реализовать опыт личной жизни, высоту своего художественного мастерства. В числе таких немногих оказались Э. Неизвестный, проиллюстрировавший академическое издание «Преступления и наказания»; Н. Попов и В. Пивоваров (кстати сказать, в прошлом ученики А. Гончарова), выступившие со старшими товарищами в вернисаже по Достоевскому на традиционной выставке искусства книги в Лейпциге и ставшие обладателями золотой медали.

Разными путями шли они к Достоевскому. За плечами Н. Попова лежал большой опыт работы в мультипликации — многие, очевидно, знают его блестящую ленту «Жил-был Козявин»... Виктор Пивоваров проявил себя как прекрасный иллюстратор детских книг, среди которых «Оле-Лукое» Г.-Х. Андерсена...

И если поэтому иллюстрации Н. Попова к «Неточке Незвановой» напоминают сцену с декорациями, где одновременно видны действия человеческого спектакля (хочется воспользоваться бальзаковским определением — «человеческой комедии») и закулисная «черная» жизнь, то графические работы В. Пивоварова к фантастическому рассказу «Сон смешного человека» лаконичны, более литературны, что ли...

И все-таки как ни интересен опыт Э. Неизвестного, разложившего прозу Достоевского до анатомических фигур и геометрически осмысленных пропорций, как ни увлекателен «режиссерский» подход к теме Н. Попова, на мой взгляд, им все-таки не хватает того лирического начала, которое тонко почувствовал у писателя и вложил в свои иллюстрации В. Пивоваров.

...Пустая, уходящая во мрак улица. В отблесках света газового фонаря — тающая в пространстве фигура пешехода. На переднем плане двое: маленькая девочка с протянутой рукой (она просит о помощи) и съежившийся от холода, угрюмый «смешной человек». Тонкая полоса, разделяющая рисунок на две части, отгораживает его от ребенка. Таков он и у Достоевского — одинокий, отрезанный от мира, никому не нужный...

Через простые детали, через освещение передает В. Пивоваров необыкновенную трагедию происходящего. В рассказе «Сон смешного человека» вы не встретите имени героя, не найдете описания его внешности — но во всем присутствует тот неповторимый аромат прозы Достоевского, который можно ощутить в любом его произведении. И, может быть, городской пейзаж в «Сне смешного человека» ничуть не отличается от описанного в «Белых ночах», в «Преступлении и наказании»... Глядя на пивоваровский рисунок, вспоминаешь строки: «—Любите ли вы уличное пение? — обратился вдруг Раскольников к одному, уже немолодому, прохожему, стоявшему рядом с ним у шарманки и имевшему вид фланера. Тот дико посмотрел и удивился.— Я люблю, — продолжал Раскольников, но с таким видом, как будто вовсе не об уличном пении говорил, — я люблю, как поют под шарманку в холодный, темный и сырой осенний вечер, непременно в сырой, когда у всех прохожих бледнозеленые и больные лица; или, еще лучше, когда снег мокрый падает, совсем прямо, без ветру, знаете? и сквозь него фонари с газом блистают...».

«Смешной человек» В. Пивоварова — это как бы суммированный образ «русского прогрессиста» девятнадцатого века, потерянного, «лишнего» человека...

В своих иллюстрациях к фантастическому рассказу художник удивительно соединил лирическое начало прозы Достоевского с пониманием времени, в котором живут и мучаются его персонажи.

Шесть работ художника — логическая цепочка, раскрывающая противоречия души, мыслей...

Но как бы ни была самостоятельна и высокопоэтична серия пивоваровских иллюстраций, ее все-таки нельзя рассматривать в отрыве от всего творчества художника— в общем-то известного по детским книжкам. Если я не ошибаюсь, то первый раз пивоваровский «смешной человек» появился в андерсеновской сказке в образе Оле-Лукое. Тот же высокий цилиндр, тот же грустный взгляд... Только в «Сне...» он постарел, замкнулся.

Два года назад на страницах журнала «Детская литература» была опубликована отличная статья А. Заваровой об одной из работ молодого графика. «Художники по-разному понимают и развивают традиции, — писала критик. — В книгах Пивоварова традиция понята, как поиск...».

Мне кажется, что эти слова остаются очень точной характеристикой творчества В. Пивоварова и по сей день. Мастер тонкий, чуткий ко времени, он не выбирает путей легких. Свидетельство тому—его работы.

Виталий АМУРСКИЙ.